

УДК 343.144

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ВЕРИФИКАЦИИ ВЕРБАЛЬНЫХ
И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ
В ХОДЕ ДОПРОСА**

**TO THE ISSUE OF THE PROBLEM OF VERIFICATION OF VERBAL
AND NON-VERBAL SIGNS OF FALSE TESTIMONY
IN THE COURSE OF INTERROGATION**

Смолякова Юлия Николаевна,

*курсант Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

smolykova_yulia66@mail.ru

Арский Александр Адольфович,

*доцент кафедры иностранных и русского языков
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат филологических наук*

arski7@yandex.ru

Ключевые слова:

допрос, следственные действия, признаки лжи, профессиональная подготовка, вербальное поведение, подозреваемый, верификация.

В данной статье анализируются актуальные вопросы верификации следователями вербальных стратегий и тактик лживых показаний, демонстрируемых подозреваемыми, обвиняемыми и свидетелями при проведении допросов как самостоятельных процессуальных действий.

Keywords:

interrogation, investigative actions, signs of lies, professional training, verbal behavior, suspect, verification.

The article analyses current issues in the verification of verbal strategies by investigators as well as false testimony tactics, demonstrated by the suspects, accused and witnesses in interrogations as independent procedural acts.

Эффективность борьбы с преступностью не в последнюю очередь зависит от уровня профессионализма сотрудников полиции, демонстрируемого ими, в частности, в рамках проведения допроса подозреваемых в совершении преступлений. Как отмечается в исследовании Р.Г. Мартыненко, лишь 5% преступлений раскрываются при изучении материалов дела, большая же часть раскрытий происходит благодаря информации, полученной в ходе допроса на основе выявления и учета следователем вербальных и невербальных поведенческих реакций допрашиваемого на задаваемые ему вопросы по материалам следствия [5]. При этом следует отметить, что речь здесь идет о показаниях не только подозреваемых, но и свидетелей преступлений, так как на практике большую силу в доказательстве виновности/невиновности в рамках дела имеет информация, полученная именно от них, зафиксированная в соответствующих протоколах. Вышеупомянутые обстоятельства, на наш взгляд, актуализируют необходимость целенаправленного формирования умений и навыков сотрудников правоохранительных органов в вопросах верификации явных и латентных (уровень анализа прагматики высказываний) признаков лжи, поскольку, во-первых, основная часть работы сотрудников полиции заключается в непосредственном взаимодействии с людьми, а во-вторых, ложные сведения дезорганизуют работу правоохранительных органов, что негативным образом сказывается на раскрываемости преступлений и повышает вероятность наказания невиновных людей. Подобное положение вещей предъявляет особые, специфичные требования к обучению необходимых специалистов: правдивость или ложность предоставленной верификатору информации оценивается им субъективно, на основе анализа признаков вербального и невербального поведения допрашиваемого, доступных восприятию органами чувств без использования специального оборудования [3, с. 138]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание специалистов на необходимость включения в профессиональную подготовку обучающихся в образовательных организациях МВД России в рамках как минимум таких дисциплин, как «Криминалистика», «Русский язык в служебной деятельности», «Риторика», работу по развитию компетенций, позволяющих снизить процент ошибочного определения следователем правдивости показаний подозреваемых, обвиняемых и свидетелей, демонстрируемых ими в ходе допроса – ключевого следственного действия в рамках раскрытия преступления. Вопросы верификации невербальных признаков лжи уже были представлены в статье Т.В. Барковой и А.А. Арского «Использование «языка тела» для выявления лжи допрашиваемых лиц» [1], поэтому в данной работе авторами основное внимание было уделено рассмотрению вербальных аспектов вышеназванной проблемы, соответственно обе статьи могут рассматриваться как две части одной темы перспективного исследования, тем более что материалы для сравнительно-сопоставительного анализа

есть в научной литературе (похожему исследовательскому направлению посвящены ряд трудов и других современных авторов, в частности К.П. Малянова [4], К.А. Пугачева [7], В.А. Кондратенко [2] и др).

Под термином «вербальный» в рамках рассматриваемого вопроса понимается общение, осуществляемое при помощи языковых средств, воспринимаемых на слух [8, с. 16]. Поскольку во время такого речевого взаимодействия за короткий промежуток времени происходит передача большого объема данных, подлежащих осмыслению, требуется выделение наиболее важных информативных явлений, подлежащих верификации [5, с. 119]. При этом верификаторы, как правило, существенно переоценивают свои способности идентифицировать обманные стратегии и тактики в исполнении адресанта речевых действий и, соответственно, недооценивают необходимость учета, в том числе и экстралингвистических нюансов высказываний при выявлении в них признаков истинности/ложности [3, с. 138]. Указанные выводы, на наш взгляд, позволяют подчеркнуть важность формирования, в частности у следователя, умений и навыков идентификации лжи, с проявлениями которой он в силу специфики своего труда вынужден регулярно сталкиваться на суде, в ходе допроса подозреваемых, потерпевших и обвиняемых, ответчиков и истцов, свидетелей и экспертов. Порой подобное поведение приводит к возникновению конфликтных ситуаций и, как следствие, к ошибкам при раскрытии дел, путанице в процессе расследования. Поэтому в целях противодействия потенциальной лжи следователю необходимо заниматься самообразованием в целях получения теоретических знаний и приобретения практических умений и навыков определения вербальных признаков недостоверности сообщаемой ему информации. Под ложью при этом нами понимается волевой и сознательный акт, когда адресант заведомо ложного сообщения осознает, что его высказывание не соответствует реальному положению вещей, однако использует его в качестве речевого действия [5, с. 164].

В статье А.Н. Першина и Н.В. Ефимкиной «Практика определения лжи следователем» сообщается о проведенном в научных целях анкетировании 92 следователей органов внутренних дел и прокуратуры г. Омска [6, с. 19]. Авторы посчитали необходимым указать и гендерную принадлежность опрошенных (56 мужчин и 36 женщин). Анализ полученных данных позволил получить следующие данные: 33,1% следователей, имеющих опыт работы в данном статусе от одного года до пяти лет, высоко оценили свои профессиональные навыки выявления лжи, 21,7% специалистами данного направления себя не считают, а остальные не смогли определиться с ответом на этот вопрос. В упомянутом исследовании также отмечается, что 43,4% следователей заявили о своей способности определять признаки лжи допрашиваемого уже на начальной стадии речевого взаимодействия; 27,7% – на завершающей стадии; 10,8% – при первом

взгляде на допрашиваемого; 34,7% – после завершения допроса, на основе анализа полученных сведений. Несмотря на субъективность самооценки, данные цифры свидетельствуют о значительном числе специалистов, полагающихся в своей работе не на первичные впечатления, произведенные допрашиваемым на верификатора в ходе допроса, а на последующий тщательный анализ и сопоставление полученных сведений с другими материалами дела. Однако озбоченность должны вызывать цифры, указывающие на признаки завышенной, ничем не подкрепленной самооценки. Причина этого, на наш взгляд, может крыться в недостаточной осведомленности следователей в вопросах верификации признаков лжи и путей ее проявления.

В контексте обсуждаемой темы авторами данной статьи был, в частности, изучен опыт, описанный в работе Е.В. Спирицы «Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца» [8]. Наибольший интерес в названном исследовании, на наш взгляд, вызывает подробное рассмотрение наиболее часто используемых стратегий и моделей лживого вербального поведения подозреваемых на допросе. Суть упомянутой концепции представлена нами в таблице 1.

1.	Контрольный барьер («глухая защита»)	При получении неожиданной информации или неожиданного «неудобного» вопроса допрашиваемый демонстрирует явно контролируемое вербальное поведение: тщательно подбирает слова, замедляет темп речи и перемежает ее хорошо различимыми паузами. Допрашиваемый, по сути, отказывается работать со следствием, настаивая на своей полной неосведомленности об обстоятельствах произошедшего или праве продолжать разговоры со следователем только в присутствии адвоката.
2.	Смысловой барьер (латентная защита)	Этот вид вербальной защиты демонстрируют люди с устойчивой психикой и умением быстро адаптироваться в стрессовой ситуации в условиях допроса. Повышенный самоконтроль в данном случае отследить труднее: допрашиваемый отвечает на заданные ему вопросы, при этом не предоставляя верификатору никакой важной для следствия информации.
3.	Тактический барьер (забалтывание, казуистика)	Данная защитная тактика характерна для людей холерического темперамента. Такой подозреваемый в случае постановки ему «неудобного» вопроса начинает буквально забалтывать верификатора, уводить разговор в сторону, активно использовать в речи клишированные высказывания обтекаемой формы: «Сейчас так многие делают!», «У нас каждый сам за себя: все выживают как могут».

В качестве примера мы в рамках данной статьи перечислим наиболее распространенные речевые тактики «Смыслового барьера» (латентной защиты).

I. Отсутствие ответа на вопрос	
1.	«Отличный (интересный, хороший) вопрос!»
2.	«Рад, что Вы меня об этом спросили!»
II. Демонстрация мнимой забывчивости	
1.	«Что-то не припоминаю.»
2.	«Насколько помню, нет.»
III. Игнорирование прямого вопроса	
1.	Демонстративное закрывание глаз вместо ответа
2.	Перевод вопроса в другое русло: «Да это не важно, важнее – другое!»
IV. Философский ответ, метафора	
1.	«Ну, теоретически это возможно» / «Ну, если только гипотетически...»
2.	«С философской точки зрения...»
V. Давление на совесть верификатора	
1.	«Давайте меня еще на полиграфе проверим!»
2.	«Что за оскорбительные инсинуации?!»
3.	«Знаете, а мне обидно такое слышать!»
VI. Давление на жалость верификатора	
1.	«Ну конечно, давайте! Не Вам же срок мотать!»
2.	«Теперь мне терять совсем нечего: Вы мне жизнь разрушили!»
VII. Жалоба на экстралингвистические факторы	
1.	«Здесь так душно!» (жарко, холодно и т.п.)
2.	«Голова раскалывается!»
3.	«У меня больное сердце! Мне уже плохо!»
VIII. Неожиданные комплименты верификатору	
1.	«Замечательно выглядите!» / «Вам форма к лицу!»
2.	«Вы производите впечатление порядочного человека! Не то что тот...»
IX. Мнимое непонимание вопросов и действий верификатора	
1.	«Что, простите?»
2.	«Я не понимаю, что Вы имеете в виду.»
3.	«Пожалуйста, еще раз и поподробнее, а то я ничего не понимаю.»
4.	«Кто?! Я?!»
X. Эмоционально-экспрессивные оправдания	
1.	«Я не делал этого: у меня же дети!»
2.	«Я не вор: я честно зарабатываю свои деньги!»

В контексте анализируемой темы следует отметить ориентировочный характер представленных тактических поведенческих вариантов, позволяющих, однако, верификатору в реальной ситуации учитывать саму возможность манипулятивных вербальных действий со стороны лжеца. Какие лжец выберет конкретные поведенческие стратегии и конкретные модели (тактики) ухода от ответа или затягивания процедуры допроса – это уже другой вопрос, важнее само понимание верификатором хотя бы основ психологической манипуляции и, в частности, знание базовых приемов, признаков так называемой «черной риторики» [подр.: 3]: только в этом случае он сможет попытаться выстроить ту или иную модель противодействия подобным явным или латентным действиям.

При этом не вызывает сомнения и необходимость учета верификатором синхронности, конгруэнтности коммуникативных тактик, т.е. вербальных сигналов и сигналов, относящихся к языку тела и к жестам, т.е. к невербальной, экстралингвистической составляющей реакции допрашиваемого на саму процедуру допроса и определенные прямые вопросы в частности [1, с. 87]. Как правило, только анализ их совокупности позволяет делать более или менее обоснованные выводы об искренности/лживости сведений, передаваемых верификатору реципиентом допроса. Однако акцент в данной работе был сделан нами, в первую очередь, на вербальных аспектах успешности проведения процедуры анализируемых следственных действий, в данном случае – допросов подозреваемых, обвиняемых или свидетелей. Поэтому мы осознанно выводим упомянутые экстралингвистические обстоятельства избранного нами проблемного вопроса за рамки обсуждения. В связи с этим уместно будет вернуться к анализу изучения коммуникативного взаимодействия на допросе, в частности указать на такие стратегии и тактики (модели) обмана, как умалчение (умалчивание) фактов и искажение информации, получение которой и является приоритетной целью следователя-верификатора в контексте обсуждаемой темы. Умалчение фактов есть умышленное сокрытие, утаивание определенной информации, представляющей важность для данного речевого взаимодействия. Именно отмеченные умышленность и важность делают умалчение разновидностью лжи, во всяком случае с точки зрения закона, и ставят его в один синонимический ряд с такими противоправными деяниями, как сокрытие и укрывательство. Сопровождается это зачастую вышеназванными моделями поведения: отказ подозреваемого от сообщения какой-либо информации по расследуемому делу, требование предоставить адвоката и т.п. Как правило, подобные действия/бездействия свидетельствуют о наличии у допрашиваемого повода скрывать от правоохранительных органов известное ему истинное положение вещей относительно поставленного вопроса [8]. Таким образом, верификатору следует учитывать информативность, значи-

мость не только вербального и невербального поведения, но и молчания в ответ на прямой вопрос, поставленный в ходе допроса допрашиваемому. В отличие от умолчания (латентной формой лжи применимо к допросу) искажение фактов является открытой формой сообщения ложной информации вместо правдивой. Признаки действия в этом случае являются открытыми, но явными для следствия они становятся только после обнаружения их соответствия истинному положению вещей. Если говорить о психолингвистических стереотипах речевой структуры искажения информации, то это также могут быть разные тактики, например: 1) настойчивые попытки безоговорочно оправдать действия преступника (им может являться и сам допрашиваемый), несмотря на все признаки преступного деяния; 2) явная попытка подчеркнуть распространенность определенного явления, поступков и т.п., имеющих преступный характер, либо допрашиваемый активно старается расширить круг подозреваемых, даже за счет лиц, непричастность которых к делу уже установлена следствием, при этом сообщает порочащие их сведения, не имеющие отношения к существу рассматриваемого дела [9].

В заключение хотелось бы отметить, что в рамках данной статьи нами не ставилась цель описать все возможные стратегии и тактики (модели) лжи, используемые допрашиваемыми в том или ином виде на практике в ходе допроса. Целью являлось акцентирование внимания специалистов на необходимости учета изложенных аспектов уже на уровне профессиональной подготовки будущих следователей, эффективность деятельности которых априори зависит от их умений и навыков идентификации в речевом и неречевом поведении реципиента (допрашиваемого) даже незначительных признаков лжи. Однако данная информация, с нашей точки зрения, может быть полезной и в рамках повышения квалификации действующих сотрудников полиции, деятельность которых связана с проведением следственных действий, что позволит настроить их на проявление большей тщательности в подготовке допроса и повышенного внимания ко всем перечисленным маркерам лжи.

Библиографический список

1. Баркова, Т.В. Использование «языка тела» для выявления лжи допрашиваемых лиц / Т.В. Баркова, А.А. Арский. // Вестник Сибирского юридического института. – 2020. – № 1(38).
2. Кондратенко, В.А. Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Кондратенко. – М., 2004.

3. Кулинич, Т. Черная риторика, приемы и уловки манипуляторов / Т. Кулинич. – URL : <https://junona.pro/page/chernaya-ritorika-priemy-i-ulovki-manipulyatorov> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Малянова, К.П. Тактика выявления ложных показаний при проведении допроса / К.П. Малянова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 4(16).
5. Мартыненко, Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию (Способы, выявление, преодоление) : дис. ... канд. юрид. наук / Р.Г. Мартыненко. – Краснодар, 2004.
6. Першин, А.Н. Практика определения лжи следователем / А.Н. Першин, Н.В. Ефимкина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2007. – № 1(28).
7. Пугачева, К.А. Способы выявления лжи при допросе / К.А. Пугачева // Молодой ученый. – 2018. – № 20(206).
8. Спирица, Е.В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца / Е.В. Спирица. – СПб. : Питер. – 2017.
9. Сазонов, В.Ф. Признаки лжи / В.Ф. Сазонов // Кинезиолог, 2009-2020. – URL: <https://kineziolog.su/content/priznaki-lzhi> (дата обращения: 12.11.2021).